

О. ЛИТОВСКИЙ, К. ОСИПОВ

Александр Невский

*ПЬЕСА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ,
ДЕВЯТИ КАРТИНАХ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
1942

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александр Невский.

Ольга — его жена.

Гаврило Олексич

Гаврило Гориславич

Рогнеда — дочь Гаврилы Гориславича и невеста Гаврилы Олексича.

Якунович

Сава

Миша Гусляр

Ратмир

Пелгусий

Юрята

Луготинич

Намест — новгородский купец.

Твердило Иванкович — боярин, псковский посадник.

Балк — гохмейстер тевтонского ордена.

Генрих фон-Юнгинген — тевтонский рыцарь.

Конрад — оруженосец.

Эльза (Любаша) — девушка из немецкого вагенбурга.

Фрол Полочанин — человек из Пскова.

Гонец.

Евлампий — псковский тиун.

Марья — жена Полочанина.

Мальчик.

Бояре, купцы, люди житые, дружинники, ушкуйники, девушки, ратники, рыцари, латники.

Действие происходит с 1240 по 5 апреля 1242 года в Новгороде, у стен Пскова, в Пскове, в Переяславле-Залесском, у Чуди и над Чудским озером.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

1240 год. Новгород. Берег Волхова. Вдали очертания соборного храма св. Софии. Поближе видна вечевая башня с колоколом. На переднем плане — слева — помост. Солнце на закате. В воздухе плывут отдаленные колокольные звоны. Справа, у берега примостились дружинники Александра — Сава, Ратмир, Якунович, несколько человек вольницы, девушки. Все внимательно слушают Мишу Гусляра, который поет, аккомпанируя себе на гуслях.

1

Миша Гусляр (поет).

Тпру, да ну, да колоку,
Колотилко, бряколко.
Твоя ступа, мой толкач,
Залягаю, так не плачь.
Катя маленькая,
Малохотенькая,
Гулять охотненькая.
... Я попадывал тогды-сегды,
А ты-то попадывал всегда-всегда.

Взрыв хохота.

Сава. Ой, уморил, Миша... «Колотилко, бряколко»...
Ах, ты... Ну-ко, еще спой, — складно песни говорить умеешь.

Девушка. У... бесстыжий.

Миша Гусляр. Спел бы, да вот девушки не велят.

Якунович. А ты другую, попостней...

Миша Гусляр (*перебирая струны*). Какую же?
(*Подумал и запел.*)

А как ведь во славном во Новеграде
Ай, как был Садко да гусельщик-от,
Ай, как не было много несчетной золотой казны,
Ай, как только ён ходил по честным пирам,
Спотешал как ён да купчей, бояр,
Веселил как ён их на честных пирах.

Во время песни на сцене показывается высокий слепой человек. Он еще не стар, фигура у него крепкая, и к нему как-то не пристала беспомощность слепца. Он и сам, повидимому, еще не привык к ней, неумело шарит перед собой палкой и страдальчески морщится. Незамеченный никем, слепец остановился, прислушиваясь к песне Миши Гусляра.

2

Слепец. Узнаю песню, Миша поет. Это ты ли, Миша?

Миша Гусляр (*оборвал песню*). Я и есть... Отколе ты меня знаешь?

Сава. Эх, песне помешал, недужный... Хороша песня-то.

Слепец. Ну, пой, коли помешал. Не взыщите... (*Идет дальше.*)

Якунович (*преграждая слепцу дорогу*). Постой! Кто ты, добрый человек, и куда путь держишь?

Слепец. Своей дорогой иду, да вот песни заслушался...

Якунович (*внимательно взглядываясь в слепца*). Сдается, знаком ты мне...

Слепец (*помолчав*). И я твой голос будто слышал, а кто ты, — не ведаю.

Якунович (*обнимая слепца*). Пелгусий! (*Проводит рукой по глазам слепца*.) Да кто же это тебя так?

Слепец. Ничего не вижу. (Обеими руками оглаживает лицо Якуновича.) Кто ты?

Миша Гусляр. Теперь и я узнал тебя, друже... А говорил сейчас с тобой Збыслав Якунович... Все мы здесь: и Сава, и Якунович, и Ратмир, и Гаврило Олексич...

Пелгусий. К вам и шел, братке, к дружине Александровой. Да, вот, видишь, какая беда...

Миша Гусляр. Эх, и славно рубились мы со шведом на Неве, тому месяц назад. Не думал я тогда, что тебя такая злая беда постигнет, Пелгусий... Как же это...

Пелгусий. Говорю, сюда шел, в дружину князя Александра... Да по дороге рыцарей немецких встретил. Шестеро их было. Двоих я убил, а четверо одолели меня. Глаза выкололи и опустили... Посмеялись — иди, и князю скажи о силе нашей...

Сава. Доколе терпеть будем от ворогов проклятых...

Ратмир (после паузы). Спой, Миша, еще.

Миша Гусляр. Пел бы еще, да на живот тощо! А скоро и вовсе ничего не останется. Немцы — те, слышь, все грабят.

Якунович. Намедни ушкуйник один из-под Пскова вернулся. Рассказывал, как гохмейстер ордена тевтонского, Балк ему имя, хозяйничает.

Пелгусий. Балк.

Якунович. Возами добро русское в Ригу отправляет. Людей наших без жалости убивает, жен наших позорит.

Ратмир. Держится Псков-от!

Сава. Продержится... Я народ псковской знаю... Он не токмо рубиться, а и на кулаки горазд.

Миша Гусляр. Уж не на себе ли испытал?

Смех.

Сава. А и на себе... От своего не больно.

Якунович (*задумчиво*). Держатся, да надолго ли... Народ хорош, да на бояр псковских надежда плоха... Подмога псковичам надобна.

Пелгусий. Руки-то у меня остались. Меч и слепой держать может... Пусть поведет нас Александр.

Якунович. Поведет! Не впервой тебе рядом с князем бок о бок рубиться. А ведомо ли вам, други, кто сей муж? (*Показывает на Пелгусия.*) Его князь Александр Ярославович перед всей дружиной возвеличил. Кабы не он...

Пелгусий. Негоже говоришь... Вся дружина княжеская смертным боем билась...

Сава. Да, было дело у Невы, а теперь рыцари немецкие нашу землю поганят.

Якунович. Не померкла слава новгородская, Сава... Вон и шведский Биргер похвалялся. На рать идучи, грамоту князю прислал: «Аще можеша противитися мне, се есмь зде уже и пленю землю твою». А что вышло?..

Миша Гусляр. Что замолчал? Расскажи уже, коли начал. Пушай народ послушает про битву богатырскую.

Сава. Расскажи, Збыслав.

Якунович. Ин так и быть, расскажу. Ту грамоту Биргер, военачальник шведский, Александру прислал, а сам уже на землю нашу ступил, и корабли его в Неву вошли. Собрал нас молодой князь и рек: «Великие испытания для земли нашей настали. На юге орда стоит, от Риги немцы идут, а с норда шведы наступают. Всех не одолеть нам разом. Что делать? Разделиться или всей дружиной купно ударить? Тогда против какого врага?»

Сава. У воинов совета спрашивал, — вот он каков наш князь!

Якунович. И сказал тогда боярин Гаврило Олексич: «Дружина наша крепка и отважна, да зело мала.

Нельзя делиться. Веди нас вкуче». — «Добро,— сказал князь,— и я так думаю. Против шведов пойдем, им сюда дорога прямая, с ордой хитрить будем, а псы немецкие с нашим младшим братом Псковом повозятся. Да и война с немцами другая нужна — к ней крепко готовиться надобно. На рассвете в поход, други! Коль мало нас — возьмем быстротой и отвагой».

Ратмир. Навостри топор, поцелуй молодую жену и со двора.

Якунович. Так оно и вышло. Шли ночами, тайно, чтобы сторожа шведская не заметила. И так повел нас Александр тропами нехоженными да темными лесами, что на шведов мы, как снег на голову, упали. Тем временем мы о всех замыслах Биргера доподлинно все знали. (Показывая на Пелгусия.) Вот он, Пелгусий, оком княжеским быв. Все доносил. Ему премного в успехе битвы Невской обязаны.

Пелгусий. Солнце мое померкло. Что же обо мне говорить? Ты о других...

Якунович. Нет, друже! Сияет слава твоя ярче солнца красного! Большую службу сослужил ты дружине Александровой и земле новгородской. Еще не успели шведы всего войска своего на берег Невский высадить. На земле их только малая дружина была. И сам Биргер в шатре златоверхом... О сем мы от Пелгусия знали. Александр Ярославович велел сходи сразу перерубить...

Пелгусий. Перебили мы тогда шведов на суше да и на кораблях немало. Великое смятение видел я тогда в стане вражьем. Видел я своим неомраченным взором и как Гаврило Олексич на коне по мосткам на корабль въехал да шведов по палубе гонял, и как Збыслав Якунович топором врагов русских крошил, и как устрашал шведов мечом своим богатырь Сава. Преисполнились люди русские духа ратна. Воины рубились в ярости мужества сво-

его. Быстрее ветра носился Александр на белом коне, как молния сверкал его меч, и до конца битвы не выходил он из сечи, разя врагов. Сам Биргер, окровавленный, еле спасся от Александра. Положил князь на лицо Биргера печать острым копьём своим.

Якунович. И пустились шведы, кто вплавь, кто бегом. Великая победа осенила русские знамена.

Ратмир. А как воротились мы в Новгород, весь народ посадской у ворот встречал дружину Александрову и кричал: «Слава Александру Невскому!»

Молчание.

Сава. И с таким-то князем шею перед немецкими рыцарями гнуть. Эх...

3

Быстро входит Гаврило Олексич. Он мрачен и взволнован.

Сава. Кого ищешь, боярин?

Гаврило Олексич. А, это ты, Сава?.. (Вдруг увидел Пелгусия.) Пелгусий!

Якунович. От рыцарей немецких вырвался, да без глаз... В дружину просится.

Гаврило Олексич. Псы проклятые! Ох, не в добрый час пришел ты, любимец Александров... Должно, иступились мечи наши — боятся немецких разбойников бояре новгородские. Не хотят подмогу псковичам посылать. Того не разумеют...

Якунович. Боятся бояре любви к князю народной. Юряте да Луготиничу свой князь надобен, послушный. Так не быть тому, доколе дружина княжеская цела. Все за князем пойдём.

Гулкий удар колокола, за ним другой, третий.

На вече народ скликают.

Гаврило Олексич. Началось...

Входят бояре: Юрята, Луготинич, купец Намест, купцы, бояре, люди житые. Толпа молчит. Затем появляется Александр.

4

Миша Гусляр. Слава Александру!
Голоса. Слава!

Александр поднимает руку. Все умолкают. Юрята взбирается на помост.

Юрята. Люди новгородские! Всем ведомо, сколь храбро билась дружина новгородская со шведом, сколь искусно водил ее князь Александр Ярославич. За это слава и низкий поклон от всего великого Новгорода...

Миша Гусляр. Живот убери, боярин!

Общий хохот.

Луготинич. Закрой свое хайло, скоморох проклятый.

Юрята. Оставь, боярин, пушай его тешится.

Сава. Шведов разбили, и немцев не побоимся.

Юрята. Вот и я говорю... Шведы вовек не забудут битвы Невской. Про ту битву немцы знают. Чего они полезут на Новгород? До того ли им? А нам воевать чужие города не с руки. Нельзя нам войны начинать. Время горячее подоспело. Вот сей день купцы с острова Готланда приехали, товаров заморских привезли. Предлагают нам великую мену торговую учинить. Снарядим и мы корабли и пошлем на Готланд...

Ратмир. Про немцев говори. Они на Псков лезут. Псковичам подмога надобна.

Юрята. Немцы нам не страшны. Вон у них и божница своя в Новгороде есть. Пусть молятся. А как начнут

шуметь, мы их к рукам приберем. Псковичи же пусть сами обороняются. Нам прежде времени на рожон лезть, дьявола на стену звать — негоже.

Намест. Верно сказал боярин. Война, что девка: пока невеста — хороша, станет женой — худа. Вот и татары недалеко стоят. Не до войны нам.

На помост всходит Гаврило Олексич.

Гаврило Олексич. Боярин Юрята совет дает — торговлишкой заняться, а немцев у себя под боком осгавить. А как торговать, если рыцари-разбойники по дорогам обозы грабят, русских людей побивают?! Плоха та торговля будет. Прогнать немецких псов, освободить Псков от осады...

Намест. Вишь ты... о псковичах забота.

Луготинич. Отобьется Псков-от. У них воеводой боярин Твердило, муж доблестен и мудр.

Сава. Склизкий, аки змий, твой Твердило и глаза, как у рыси. Ему нет веры.

Луготинич. Какой же он мой?

Голоса. Дай сказать боярину. Народ рассудит.

Юрята. О том и говорю. Вся торговая сторона — Плотницкий конец и Славенский — спросите их — скажут: Псков сроду нашей торговле мешал.

Голоса. Верно!

Намест. Нам Псков не указ!

Юрята. Только и названия, что младший брат, а на деле...

Александр. И на деле так! (*Быстро поднимаясь на помост.*) Пусть судит вече новгородское мой спор с боярами. Ведомо вам, люди новгородские, пока бились мы с Биргером, немцы Изборск захватили. Теперь Псков осаждают. И если не поможем младшему брату нашему — Пскову, — возьмут Псков немцы. Защитников его перебь-

ют, город огню предадут, жен опозорят. А тогда, что с Новгородом будет?

Намест. Не страшай, князь.

Миша Гусляр. Замолчи, купец, а то вот я тебя гусями как двину...

Александр. Как Псков разорят да кровью зальют, и нас та же участь ожидает. Чем защищаться будем? Не лучше ли на врага неожиданно напасть, пока он не усилился?

Якунович. Веди нас, князь!

Александр. Погоди, Якунович. Ну, что же молчите, бояре? Потому что правду говорю, и вы то знаете? Да вам корысть глаза слепит.. От раздоров да усобиц Киевская Русь погибла. Не того ли хотите для Великого Новгорода? Овладеют немцы Новгородом, Вологдой и Суздалью, и везде, где нет баскаков татарских, гохмейстер своих собак немецких на шею русскую понасажает. А Юрята тем временем с людьми торговыми из Пскова счета сводить будет. Того ли мы добиваемся?

Юрята (в бешенстве). Не слушай его, народ новгородский! Когда заключили мы ряд с князем Александром, когда княжить его посадили, то целовал он крест, что будет верным слугой Великого Новгорода. А он...

Пелгусий. Князь Александр служит Великому Новгороду так, как никто доселе не служил. Про то вся Русь знает. Уйди, боярин, не томи душу.

Александр (сбежал с помоста). Пелгусий!

Пелгусий. В дружину твою пришел, княже, а оно вон как обернулось..

Александр (всматриваясь в Пелгусия). Да ты слепой! Где глаза твои, Пелгусий?

Пелгусий. Немецкие рыцари выкололи.

Якунович. Слушай, народ новгородский!

Александр (снова вскочил на помост). Нет, боя-

рин. Я то, о чем рядился, свято блюду. На чем крест целовал, на том и стою, а помыкаться перед житыми людьми, корыстью ослепленными и о выгоде своей помышляющими, не стану. Когда враги русской земле грозят...

Шум, крики. Два враждебных лагеря движутся друг на друга. В воздухе сверкают ножи, вынутые из-за голенищ. Дружинники сгрудились вокруг Александра.

Поди сюда, Пелгусий. *(Пелгусию помогают взобраться на помост.)* Вот, смотрите, все смотрите, други, братие, люди посадские. Глядите, что сделали немецкие псы-разбойники с храбрейшим из храбрых, ижорским старшиной Пелгусием! Где глаза его? Выклевали подлые вороны. Где сила его молодецкая?

Пелгусий. Есть еще сила, княже. Я врага руками увижу. Веди нас!

Намест. Почто деньги в мечи вкладывать, коль мечи без пользы лежать будут? Нападут, тогда и мы начнем.

Ратмир. Поздно будет.

Намест. Не хотим воевать!

Луготинич. Пусть князь с Пелгусием да Мишкой Гусляром псковичей спасают, коли печется о них. Хватит!

Голоса. Пусть убирается, коль народ новгородский не по нраву ему пришелся. Наш князь — по-нашему и князь.

Свалка вот-вот готова разразиться.

Юрята. Довольно! И впрямь, не надо нам такого князя, который детей наших под копыта немецких коней бросить хочет. Уходи!

Крики, шум, свалка.

Александр. Остановитесь!

Сава. А ну, подходи, кто савиного кулака не пробовал.

Гаврило Олексич. Уйди, князь! Мы тут... без тебя...

Александр. Остановитесь, говорю вам. (*К дружинникам.*) И вы, други. Не бойся, Юрята, я не призову против вас дружины своей, хотя легко мог бы согнуть вас и заставить покориться моей воле. Но в сей тяжкий час не хочу раздоров и усобиц в Новгороде. Уйду к отцу своему, великому князю Ярославу. Не дорога мне воинская слава. Но когда затрубят под стенами Великого Новгорода рога рыцарей и поля обогрятся кровью вашей и детей ваших, припомните мои слова и поступайте по совету моему.

Александр сходит с помоста и в глубокой задумчивости идет к берегу Волхова. Его окружают дружинники. Постепенно все разходятся. Последние лучи заходящего солнца золотят голову Александра. Молчание.

5

Гаврило Олексич. Почто уступил, княже?

Александр (*ласково положил ему руку на плечо*). Знаю я, невеста твоя во Пскове...

Гаврило Олексич (*вспыхнул*). Не о том речь, князь. За Рогнеду душа трепещет — таиться не стану. А за тебя больше — ты вся Руси надежда и опора.

Александр. Высоко взял, Олексич. Любы вы мне, соратники и други. С вами ничего не боюсь. На верность вашу, как на каменную гору, полагаюсь. Но так надо.

Гаврило Олексич. Мы все с тобой пойдем...

Сава. И я!

Ратмир. И я!

Якунович. Меня возьми с собой.

Миша Гусляр. Тебе без моих песен скушно будет в далеком уделе. Возьми и меня.

Пелгусий. Попросился бы и я, да кому слепец надобен. *(Поник головой.)*

Александр. Нет, оставайтесь все здесь. В Новгороде свои люди надобны. Держитесь вместе. Пробьет час, и я снова буду с вами. *(Пауза.)* Теперь идите...

Все медленно расходятся. Александр остановил Пелгусия.

А ты погоди, со мной поедешь.

Пелгусий, опершись на посох, стал рядом с Александром. Александр и Пелгусий стоят неподвижно. Вдали замирает песня Миши Гусляра.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Шатер гохмейстера Балка под Псковом. Походная обстановка, оружие, доспехи. Гохмейстер Балк сидит. Возле него стоят Генрих фон-Юнгинген и Конрад.

1

Балк. Ты видел его сам?

Конрад. Да.

Балк. О чем думают жители Пскова?

Конрад. Я не слышал ропота.

Балк. Осада затянулась. Когда придет сюда боярин?

Конрад. Когда стемнеет.

Генрих. Солнце уже на закате.

Конрад. Да.

Балк. Ты не все сказал?

Конрад. Да. Ворота Пскова давно открылись бы перед нами.

Генрих. Что мешает?

Конрад. Твердило боится боярина Гаврило Гориславича. Боярин следит за каждым шагом воеводы.

Балк. Его нужно было давно убрать.

Конрад. Он не сумел.

Балк. Ступай!

Конрад. Я еще не все сказал.

Балк. Говори!

Конрад. Новгородцы прогнали князя Александра. Они не хотят идти на выручку Пскова.

Генрих. Вот, наконец, новость, достойная слуха гохмейстера. Куда же ушел Александр?

Конрад. В Переяславль-Залесский.

Балк. Мне говорили, что новгородцы — умные люди. Но они сами подрубили сук, на котором сидели. Не нам сожалеть об этом!

Генрих. Нам не нужно их ума. Нам нужны их руки и богатства. Мы сами сумеем распорядиться всем этим.

Балк. Да, это так... Но Александр...

Генрих. Александр упоен победой над Биргером. Но из своего далекого удела он нам не страшен.

Балк. Ступай, Конрад.

Конрад поворачивается и уходит.

2

Балк. Вы правы, Генрих. Изгнание князя — это самая большая победа, которую мы одержали за последнее время. Но он опасен и... он слишком быстро растет. Кто знает его тайные замыслы?

Генрих. Ему не устоять против нашей силы, ярости и военного искусства. Славяне невежественны. У Александра не войско, а рабский сброд с топорами.

Балк. Увы, мой друг! Двадцать лет назад этот сброд под водительством отца Александра — Ярослава — гнал моих храбрых рыцарей до самой Риги. Об этом никогда не следует забывать.

Генрих. Я не боюсь Александра и его грязных славян. Они родились для рабства. Ничто не может противостать тевтонской ярости и отваге. Нам нужны их земли, и они будут нашими.

Балк. Да, история до нас не двигалась, Генрих. У нее не было цели. В лени и неподвижности пребывал древний восток. Бессмысленно и безостановочно бросались из стороны в сторону греки и римляне. Только германские пле-

мена знают свой путь... Пусть идут славяне на восток, к татарам. Там хватит места и для русской орды.

Генрих. Прекрасно сказано.

Балк. Да? Игра воображения нужна и воину, особенно, если он несет миру освобождение от старых предрассудков... И все же Александр слишком быстро растет. Магистр Андреаш был изумлен княжеской отвагой и умом.

Генрих. Славянского князя надо укоротить... на одну голову.

Балк. Что ж! Война — это не только мечи и копья, но и нож из-за угла... (Пауза.) У нас, в вагенбурге, есть женщины, Генрих. Одна из них говорит по-русски.

Генрих. Эльза.

Балк. Позовите ее.

Генрих. Слушаю.

Выходит.

3

Молчание. Балк сидит неподвижно. Быстро темнеет. Входит Конрад.

Балк (вскочил, схватился за оружие). Кто здесь?

Конрад. Ваш оруженосец, Конрад. Пришел псковский всевода.

Балк. Зажги огонь. Введи боярина сюда. Или нет. Мы слишком долго его ждали, пусть теперь он подождет.

Конрад зажигает огонь, поворачивается и уходит. Через мгновение входят Генрих и Эльза.

4

Балк (внимательно разглядывает Эльзу). Ты — Эльза?

Эльза. Да, ваша милость.

Балк. Ты долго жила среди русских?

Эльза. Да, ваша милость.

Балк. Ты их ненавидишь?

Эльза. Да, ваша милость.

Балк. Прекрасно. Ты проберешься к русским и в удобную минуту.. уничтожишь князя Александра. Оружие, яд, деньги тебе даст рыцарь фон-Юнгинген. Будь готова на все, даже на то, чтобы позабыть, что в тебе течет германская кровь. Ты — женщина, и я не должен тебя учить.. Иди и жди там, за шатром...

Эльза уходит.

5

Генрих. Она немногословна.

Балк. Как и подобает германской женщине.

Хлопает в ладоши. Входит Конрад.

Пусть войдет псковский воевода.

Конрад выходит и возвращается с Твердилой. Конрад уходит.

6

Твердило. Буди здрав, гохмейстер. *(Взглянул на Генриха.)*

Балк. И ты будь здрав. *(Проследил за взглядом воеводы.)* Рыцаря не опасайся, боярин. От него не таю ничего. Почему долго не приходил?

Твердило. Сам знаешь — дела. *(Ухмыльнулся в бороду.)* Псков от войска твоего обороняю.

Балк *(угрожающе)*. Долго обороняешь.. Ночью прикажу на приступ итти, и тогда берегись...

Твердило. Чего беречься? Не в первый раз на приступ идете, ан город все стоит да стоит.

Балк. Торгуешься?

Твердило (*пожал плечами*). Почто торгуюсь? Сам знаешь, каков Александр,— из князей — князь.

Генрих (*еле сдерживая ярость*). Чего же ты хочешь? Может быть, ты забыл...

Балк. Тише, Генрих. (*К Твердиле.*) Разве мы не договорились обо всем?

Твердило (*почесывая бороду*). Так-то оно так... ну, а все же, коли совесть продавать, так подороже. Псков и землю псковскую мне на вечное воеводство.

Балк. Пусть будет так.

Твердило. Половину податей — в мою казну.

Генрих. Будь доволен, что мы тебе сохраняем жизнь.

Твердило. Скажи рыцарю, гохмейстер, чтоб не впутывался в разговор наш.

Балк. Пусть будет так. Половина...

Твердило. Вся торговля заморская — Пскову. Гаврилу Гориславича — убрать, Александра — убрать. Сам знаешь, доколе жив Александр — ни мне, ни вам покоя не будет.

Балк. Пусть будет так. А ведомо ли тебе, что князя изгнали из Новгорода?

Твердило. Ведомо. Александр и из Переяславля страшен.

Балк. Ты все сказал?

Твердило. Все, гохмейстер. И не очень лютой, как Псков возьмешь. (*Усмехнулся.*) А то работать будет некому.

Балк молчит.

Генрих (*почти кричит*). Псков станет немецким городом. И Псков, и Новгород, и Луга, и вся земля новгородская. Это ты знай. А править будешь именем ордена тевтонского, велениями гохмейстера.

Твердило. А по мне — где деньги — там родина.

Где тепло — там дом. Где сила — там и власть. Я и князем быть могу. Чем я не князь? И род мой древний.

Балк (*рассеянно*). О, очень... (*Резко.*) Когда?

Твердило. На рассвете. Воинов со стен уберу — отдохнуть-де надобно с устатку великого. И то сказать — день и ночь твои приступы отражаем. Ну, пора мне! Как бы не хватились, — где воевода псковской? Ан вот я где — у Балка, гохмейстера, в шатре.

Балк. Ступай.

Твердило уходит.

7

Генрих. Негодяй! Он смеет ставить условия.

Балк. Пусть это вас не смущает, дорогой фон-Юнгинген. Немецкое дело можно делать и русскими руками. Это все же дешевле, чем воевать. А обещания — слова, слора, слова...

Хлопает в ладоши. Входит Конрад.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Псков. Терем Гаврилы Гориславича. У окна неподвижно, задумавшись, сидит Рогнеда. Стоит в доспехах, готовый уходить, боярин Гаврило Гориславич.

1

Рогнеда. Не уходи, отец. Мне страшно одной оставаться.

Гаврило Гориславич. В доме люди есть дворовые, мамки, ты не одна.

Рогнеда. Все одно.. страшно. Как почивал ты, задремала и я. И почудилось мне — беда великая с Гаври-

лой Олексичем стряслась. Проснулась в страхе и побежать хотела, сама не знаю куда...

Гаврило Гориславич. Что содеется с твоим женихом-то. С Александром он... Нельзя мне оставаться, дочка. Ночным дозором пойду... Беспокойно мне. Вовек бы немцам Пскова не одолеть...

Рогнеда. И не одолеют, отец.

Гаврило Гориславич. А беспокойно. Тревога сердце испепеляет. Хитрит воевода, не верю я ему. Уж я пойду...

Выходит. Слышны его удаляющиеся шаги и переключка дозорных. Ночь. Рогнеда сидит неподвижно, задумавшись. Громкий стук в дверь. Рогнеда вскакивает, в ужасе бежит в другой конец терема и прижалась в угол. Дверь открывается, и входит Твердило, ведя за руку Эльзу. Твердило взглянул на Рогнеду.

2

Твердило. Чего это ты, девка, в угол забила? Мы не разбойники. Где боярин?

Рогнеда. Батюшка в дозор пошел.

Твердило. Усердный. А я вам тут гостью привел — беглянку из полона немецкого, сей ночью подобрал. Думал — веселей двум девушкам-то вместе жить. Намучилась, бедняжка. (К Эльзе.) Подь сюда, не бойся. Это Рогнеда. (Усмехнулся.) Жених у ней пригож — Гаврило Олексич, любимец князя Александра...

Эльза робко подходит к Рогнеде.

Эльза. Тебя звать Рогнедой?

Рогнеда. Да, а тебя как?

Эльза. Меня...

Твердило. Любаша.

Эльза. Любаша... Я завидую тебе.

Рогнеда. Почему?

Эльза. У тебя жених, а у меня никого нет на целом свете.

Твердило. Сирота горькая.

Рогнеда. Откуда ты?

Эльза. Беглянка из плена немецкого. А родом из Изборска... Жениха моего в Изборске псы проклятые порубили. *(Заплакала.)*

Твердило. Звери, а не люди.

Рогнеда *(обнимает Эльзу)*. Бедная... Страшно, поди?

Эльза. Очень страшно... На моих глазах... *(Заплакала еще пуще прежнего.)*

Твердило. Слезами горю не поможешь. Их бить нужно нещадно.

Рогнеда. Ну, не плачь... И так на душе смутно.

Эльза *(вытирая слезы)*. Ничего... А вдруг они и Псков завоюют? Ты к жениху убежишь, а я куда? Твой жених красивый?

Рогнеда. Краше его нет на свете. И силой и умом.

Твердило. Недаром приблизил его Александр.

Вбегает возбужденный Гаврило Гориславич. Увидел
Твердило.

3

Гаврило Гориславич. А, ты здесь? И впрямь, на ловца и зверь бежит.

Твердило. Отдышись, боярин, зачем ночью ходишь? На то сторожа есть. Вон девку к вам привел, от немцев сбежала. Подобрал я ее, думаю, пускай здесь с Рогнедушкой поживет. Любашей ее звать... Идите, девушки, мне здесь с боярином надобно...

Девушки выходят в другую комнату.

Молчание.

Гаврило Гориславич. Никак не пойму, что у тебя на уме, воевода... Ай Балку поддаваться хочешь?

Твердило. Се от устатку у тебя в мозгах боярин помутилось. Потому и слушаю. За такие речи...

Гаврило Гориславич. А воинов чего увел? Чтоб немцы нас голыми руками взяли? Не верю я тебе, воевода.

Твердило. У страха глаза велики. Не могут люди биться денно и ночью — хоть верь, хоть не верь. И отдохнуть людям надобно.

Гаврило Гориславич. Не взыщи на резком слове. У меня что на уме, то и на языке. Таиться не умею. А только дивно мне, что, на ночь глядя, воинов отдыхать увел и самого нет в городе, когда жестокий враг каждой минутой воспользоваться может... Не мнишь ли ты, что гохмейстер помилует псковичей?

Твердило. Неладно говоришь. Редуют ряды защитников Пскова. Каждый воин дорог сердцу моему...

Гаврило Гориславич. Не о Пскове, о Руси думать надобно.

Твердило. О Новгороде хочешь ты сказать. Новгород — не Русь, а вотчина Александра. Да и то, слышь, новгородцы прогнали князя.

Гаврило Гориславич. То боярин Юрята да купцы новгородские, а не народ.

Твердило. Того не ведаю. А можем мы и без княжеского указа прожить. А о Пскове — не тревожься — о нем я пекусь. Вовек Балку не взять его.

Гаврило Гориславич. Недосуг мне пререкаться с тобой, воевода. Веди людей на крепостные стены, не то я сам... *(Прислушивается.)* Кричат...

Твердило *(подойдя к окну, приоткрывая ставень, также прислушивается)*. Нет, то сторожа дозором вокруг

стен псковских ходит да по улицам. Никак светает, боярин. *(Потянулся.)* Сегодня утро пригожее будет...

Гаврило Гориславич *(продолжая прислушиваться)*. Нет, воевода. Не сторожа то ходит, а бой идет. Да близко! Кабы утро пригожее в вечную ночь не оборотилось.

Твердило *(удивленно)*. Да... бой. Что за притча? *(Тянет, стараясь выиграть время.)* Не думал я, что Балк, столь великий урон потерпев наемни от вылазки нашей, сей ночью снова на приступ пойдет. Обезумели рыцари... Ну, что ж, коли хотят, дадим им крови ихней черной хлебнуть. Мы тех псов немецких...

Шум боя и крики приближаются.

Гаврило Гориславич. Красно говоришь, воевода, да не во-время разговор придумал. После боя потолкуем уж по-свойски. А теперь в бой на стены псковские. *(Выхватывает меч и бежит к дверям.)*

Твердило. И то правда. *(Побежал за Гаврилой Гориславичем и вдруг остановился.)*

Гаврило Гориславич. Ты что, воевода?

Твердило. Постой, боярин... А девок здесь оставим? Там дочь твоя Рогнеда да беглянка эта. Неровен час...

Гаврило Гориславич. О беглянке твоя забота... *(Быстро идет к дверям в светелку, но оттуда уже пока зались встревоженные Эльза и Рогнеда.)*

5

Гаврило Гориславич. Беги...

Рогнеда. Куда? Я с тобой.

Шум боя приближается, лязг оружия.

Гаврило Гориславич. Ну, что, опять дозор? Сеча на улицах! То не дозор, а измена!

Выбежал. Твердило и Рогнеда за ним. Эльза широко открывает ставни. Комнату заливает розоватый сумрак рассвета. И вдруг с улицы крик: «Измена!» Крик, приближаясь, становится истошным, протяжным: «Измена!» Эльза улыбнулась, выпрямилась. Шум боя, крики, лязг оружия. В дверь с улицы, пяясь и сражаясь, вбегает Гаврило Гориславич, с ним Рогнеда. Отступая, Гаврило Гориславич движется к окну. В терем в полном вооружении входят Балк, Генрих фон-Юнгинген. Они откидывают шлемы.

6

Балк. Бросай оружие, Гаврило Гориславич, кончилась твоя служба Александру.

Входит Твердило. За ним двое слуг вносят на подносе хлеб-соль. Твердило низко кланяется Балку.

Твердило. Прими, господине, от вольного города Пскова.

Гаврило Гориславич. Подлая душа!.. Гад пресмыкающийся... Чуяло мое сердце... Изменник! Так получай, иуда!

Бросается на Твердило. Тот бежит, петляя по комнате, не обнажая, однако, оружия.

Твердило (кричит). Живым, живым его возьмите, холопа княжеского!

Балк делает знак фон-Юнгингену. Тот двинулся на Гаврилу Гориславича. Гаврило Гориславич мгновенно обернулся и наносит страшный удар снявшему шлем рыцарю. Тот падает замертво. В дверях показывается Конрад, за ним рыцари, латники. Сколько их — не видно. Они тонут в темноте за дверями.

Рогнеда (кричит). Отец!

Гаврило Гориславич. Сюда, дочка! (Обняв ее одной рукой, отбиваясь другой от Конрада и Твердило, он вскакивает на подоконник.)

Доколе в жилах кровь русская течет, не быть Руси покоренной! Слава Великому Новгороду! Слава Александру!

Конрад шатается раненый. Гаврило Гориславич и Рогнеда прыгают в окно. Эльза мгновение колеблется, потом, взглянув на Балка, также прыгает в окно. Рыцари, латники бросаются за ними. Балк останавливает их.

Балк. Теперь девушке и провожатого не надо.

Твердило. Убегут! Выпустили врага моего заклятого. Мы о другом рядились.

Балк (удивленно). Рядились?

Твердило смотрит на Балка, рыцарей, латников. С улицы вопли, крики ужаса, шум утихающей битвы. Зарево пожара.

(Подходит к трупу фон-Юнгингена, склоня над ним голову.) Бедный Генрих..

Пожар за окнами разгорается. Зловещей черной тенью стоит группа рыцарей и латников.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

1241 год. Переяславль-Залесский. Просторная изба-терем Александра. Через окно, вдали, видна река. За ней поля и лес. Сидит княгиня Ольга. Александр стоит и задумчиво смотрит в окно.

1

Александр. День-то какой! Сейчас бы на коня, да и по полям. В лесах туры бродят, вепри...

Ольга. Скучно тебе, князь. Кровь застылась.

Александр. Скучно, княгинюшка... Томится дух мой... *(Показывая на сети, растянутые на стене.)* Разве это дело для воина?

Ольга. Не о турах да о вепрых помышляешь, князь, вижу я...

Входит Сава.

2

Сава. К тебе, князь. Дозволь слово молвить.

Александр *(быстро обернувшись, улыбнулся)*. А, Савушка! Что не приходил долго? *(Александр шутливо обхватывает Саву, приподнимает его.)* Ан, поднял тебя, богатырь. Есть еще сила в руках княжеских.

Начинают шутливо бороться. Борьба продолжается недолго. Огромный Сава валит Александра на пол.

Александр (*поднимаясь, смеется*). Не совладать мне с тобой, Савушка... в рукопашную. Вот на мечах или на копьях...

Сава. В обнимку бороться — дело нехитрое. Родитель мой медведя однажды задушил. Видать, в него я. Прости, Христа ради, что уронил тебя, княже.

Александр (*весело*). Чего прощать? Я начал, я в ответе. А и любо мне, что воины мои духом и телом не ослабли. Чаю я, еще силушку с врагами доведется испробовать.

Сава. Доведется... Там посадской из Пскова пришел один, два месяца шел. Ты бы его послушал, княже... Он такое рассказывает, что на Руси дается.

Александр (*замахал руками*). Нет, нет, не хочу я слушать. Все знаю. Разговором делу не поможешь. Здесь не слова, а дела надобны.

Ольга (*тихо*). Послушай его, князюшка.

Александр. Ну, вот и княгиня просит. Зови его, Сава. (*К Ольге*.) Боюсь я, омрачит сей странник дух твой...

Сава поворачивается и выходит.

3

Ольга. Томишься, князь...

Александр (*обнимая ее*). Томлюсь, любя моя. Тоскует душа моя, что в черную годину должен я в стороне стоять и на беды народные взирать...

Ольга. Вижу, милый, как часто на дорогу глядишь, чело твое суровится, глаза светлеют.

Александр. Видит бог, не о славе воинской помышляю. Простым ратником готов биться за землю русскую, за родину мою. Ведомо тебе то.

Ольга. Ведаю, родимый. Оттого еще милее ты мне.

Александр. Уж скоро год, как покинули мы Нов-

город. Одна ты, голубка, была моей отрадой в это тяжкое время.

Ольга. По ночам не спала, слова ловила, что с уст твоих во сне срывались, и думала — придет час, и снова мой Александр засияет в лучах доблести и славы.

Александр. Голубка! *(Прижимает Ольгу к себе. Подходит к окну.)* Вот и солнце заходит. Уж месяц висит над землей, и звезда возле него загорелась. То ты, моя звезда...

В комнату тихо входит Сава и изможденный, обросший и оборванный человек. Увидев застывших у окна князя и Ольгу, стоят неподвижно. Молчание. Александр обернулся.

4

Александр *(обращаясь к страннику)*. Как звать-то тебя?

Странник *(бросился к ногам князя)*. Фрол Полочанин, княже.

Александр. Встань! *(Помогает ему подняться.)* Не сродни ли ты Якову Полочанину — ловчему моему?

Полочанин. Нет, князь. Нас в посаде много Полочанинов. Родитель мой...

Александр. О родителе потом, Фрол, расскажешь. Слышал, новости у тебя. Сказывай...

Полочанин. Стенаниями до краев переполнилась земля русская. Нет сил более терпеть. С тех пор, как захватили рыцари немецкие Псков, житья во всей Псковщине не стало. Баб наших в соху впрягают. Великое множество людей посадских да именитых страшной смерти предали. Псы проклятые бабам на сносях животы вспарывают, младенцев во чреве материнском убивают.

Ольга. Волки бешеные!

Александр. Так они всегда, рыцари немецкие. Волки бешеные, пока людьми помыкать могут, и трусливые

зайцы, когда им туго приходится. Знаю я их. Ну, а Твердило что ж?

Полочанин. Как бес, перед гохмейстером на задних лапках вертится, выслуживается. Благодарит за плеть, за разбой да за то, что позорят рыцари девушек псковских.

Сава. Уж попадись он мне окаянный. На части разорвал бы.

Александр. Почто разорвать? Мы — не немцы. На суку поганом повесим.

Полочанин. Немцы Лугу взяли — со всех сторон к Новгороду подходят.

Александр. Лугу? *(Начал ходить по избе.)* Великая опасность нависла над Новгородом. *(Остановился перед Полочанином.)* Тебя покормили? Отведи его, Сава. Вели покормить и пусть спать ляжет... Я, чаю, притомился ты с дороги-то? Путь дальний да трудный. Ступай. А утром приходи — наказ тебе дам. Ты, я вижу, смышленный.

Полочанин. Спасибо, княже.

Сава и Полочанин уходят.

Б

Александр. Что скажешь, княгиня?

Ольга. Что я могу сказать? Ты — муж, тебе и решать. Настал час...

Александр. Настал, голубка. И знаю, что делать надобно. Да как новгородцев вразумить! Войной на них итти?.. Как увидят рыцарей пред стенами своими, одумаются. Вспомнят былую славу свою...

Ольга. Так будет...

Александр *(как бы размышляя вслух)*. С татарами сейчас воевать нельзя...

Ольга. Ох, трудно сердцу русскому гнет татарский сносить.

Александр. А нужно. Хан Бату пятьдесят тысяч всадников сразу выставить может, а то и более. Мы ж и половины того не наберем. Обезлюдела Русь после погрома татарского. А князя попрежнему враждуют. Придет час, мы и татарам силу свою покажем, а сейчас с немцами биться надобно, немецким псам голову спернуть. Они хуже татар. Ордынцы — те в полон берут и дань платить заставляют. А от немцев и данью не откупишься. Им все русское ненавистно — и вера, и обычаи дедовские, и даже речь наша. Всех русских рабами почитают. все достояние забирают, за слово непокорное лютой смерти предают.

Во время речи Александра тихо входит Пелгусий и слушает.

6

Пелгусий. Там к тебе люди...

Александр. Пелгусий! Что долго рыбу ловил? Поймал чего?

Пелгусий. Нет, князь. Видно, к слепому они на удочку не идут. Из Новгорода, князь...

Александр (*не слушая Пелгусия*). Мы и за глаза твои у псов немецких ответа спросим. До последнего вздоха против немцев биться будем. Клочка земли русской им не уступим. Тучи на небе, что могут пролиться на немцев благодатным дождем, обратно повернем, чтобы немецким рыцарям и их шведским подпаскам на вечные времена стбить охоту на Русь святую соваться.

Ольга (*подошла к Александру, положила ему руки на плечи*). Любый...

Александр (*оглянулся, увидел Ольгу, Пелгусия, улыбнулся*). Что это я разбушевался, словно перед народом новгородским стою. (*Пауза.*) Собирай ужинать,

Ольга... Утро вечера мудренее. И ты с нами, Пелгусий. Рыбки не поймал, а мы тебя своей угостим.

Пелгусий. Я не за этим, князь. Там из Новгорода гонцы прискакали, с ними Ратмир.

Александр. Что же ты раньше не сказал?

Пелгусий. Так ты сам все говорил, княже, да спрашивал, а я слушал.

Александр (*рассмеялся*). И то правда. Иди и веди гостей. И пусть Сава придет.

Пелгусий выходит. Молчание. За сценой песня девушек.

7

Александр. За рекой поют.

Ольга. Хорошо как.

Александр. С чем приехали гонцы? А?

Ольга. Не знаю.

Александр (*лукаво*). А жалко будет из Переяславля уезжать. Тихо здесь, благолепно и рыбы много.

Ольга (*улыбнулась*). Ты бы переоделся, а то в рубахе мужицкой.

Александр (*махнул рукой*). Ништо. Как понадобится, так и в рубахе хорош.

Входят в блестящих одеяниях Юрята, Луготинич, Ратмир. За ними Пелгусий и Сава. Гонцы повалились в ноги

8

Александр. Встаньте!

Юрята. От Господина Великого Новгорода низкий поклон.

Гонцы встают.

Послали нас люди новгородские сказать: приди и князь.

Луготинич. Веди нас, Александр.

Александр (не слушая послов, к Ратмиру). Как там Гаврило Олексич поживает, не чинят ли ему обиды какой?

Ратмир (весело). Нет, князь, не чинят. Живет, тебя дожидается, как и все мы.

Александр. Добро. (Повернувшись к Юряте, слово впервые его увидел.) Что скажешь, боярин?

Юрята. Я сказал: приди и княжь. Как прежде рядились, пускай так и будет.

Александр. Ишь ты. Князя Черниговского себе посадили, а со мной рядиться приехали.

Луготинич. Веди нас, княже. Немецкие разбойники землю нашу разоряют, великие обиды и притеснения народу русскому чинят, торговли нет никакой, все грабят, забирают, проклятые. Гохмейстер Балк с рыцарями на Новгород идет. Спаси нас, княже!

Юрята. Спаси!

Александр (резко). О том, что рядились мы, забыть надобно, Юрята, как и я забываю обиды ваши в сей грозный час. Не я вам, бояре, а вы мне крест целовать будете на верность и что из воли моей, княжеской, выходить не будете. Как скажу, так и будет. Что велю, то и совершите. На своей воле княжить буду.

Луготинич. Согласны.

Юрята (подумав). Будь по-твоему.

Александр. А коль согласны — будьте на великие жертвы готовы. Легкой победы не обещаю. Все в руках божиих. Биться будем, не щадя живота своего. Верю я — устоит Русь, могучей и сильной выйдет из тяжкого испытания, и ярким сиянием увенчает победа стяги новгородские. Били Биргера, побьем и Балка. В поход, братие и други! Отъезжаем сею же ночью. Принеси доспехи, Сава. Приведи коня, Ратмир. И вы все готовьтесь.

Все бросаются исполнять приказания Александра. Сава приносит доспехи, оружие и помогает князю снарядиться.

Александр (к Юряте и Луготиничу). Вы уже не взыщите, что трапезой не угостил и отдохнуть не дал, гости дорогие. Да сами видите, нельзя времени терять. Ты, Сава, со мной и Ратмир. А где Пелгусий?

Входят: Пелгусий при полном вооружении и Фрол Полочанин.

9

Пелгусий. Здесь я, князь.

Александр. Старый конь борозды не портит. Как и встарь, будем рубиться с тобой рядом.

Пелгусий. Пусть поведут, а уж врага я мечом нащупаю!

Александр (к Фролу Полочанину). Иди и скажи всем — пропадает русская земля. Не бывать тому. Зовите малого и старого: кто на коне не может, пускай на лодке плывет, кто на лодке не может, пусть пеший... Иди и скажи: всех сзываю под стяги новгородские для кровавой сечи с исконным врагом земли Русской. Иди! (Подошел к княгине.) Прощай, княгиня. (Обнимает Ольгу.)

Ольга. Иди, Александр, на подвиг великий и помни, что я всегда с тобой, и в отдыхе и в бою. (Обнимает его.) Родимый!

Александр. Коня!

Быстро выходит. За ним все. Молчание. Голоса, потом удаляющийся топот коней.

10

Ольга подошла к окну. Далекая песня девушек.
Молчание.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ

Новгород. Терем Гаврилы Олексича. Ночь. Два-три высоких кресла. Большой стол. На столе книги. Стоят Гаврило Олексич и Эльза.

1

Гаврило Олексич. Ты хотела видеть князя. Сегодня ты его увидишь.

Эльза. Он отомстит за смерть родителей и жениха моего...

Гаврило Олексич. То великая честь, что князь здесь, у меня... В той горнице будешь и, если князю что понадобится, все исполнишь... Ну, идем! *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

Эльза. Подожди, боярин, здесь никого нет...

Гаврило Олексич. Не время, Любаша... У меня невеста есть. То великий грех...

Эльза. В любви нет греха. Молчала я... Больше не в силах... *(Прильнула к Гавриле Олексичу.)*

Гаврило Олексич. Отойди... Неровен час — князь войдет. Он для меня не только великий князь, а и брат старшой... Идем...

Уводит Эльзу и сам возвращается. Некоторое время стоит задумавшись. Из других дверей тихо входит Александр.

2

Александр. Почто не спишь, Олексич?

Гаврило Олексич. Не идет сон, князь.

Александр. Да, время великое и тревожное пришло... Иди, боярин. Пелгусия пришли сюда. Привык я к нему. Пускай посидит со мной.

Гаврило Олексич. Пришло... Если тебе, князь, понадобится чего или позвать кого захочется, кликни. Там Любаша...

Александр. Беглянка та, которую ты приютил?

Гаврило Олексич. Да, князь.

Александр. Спасибо, боярин. Мне ничего не надо. Я вот книжку почитаю. Из Переяславля захватил, да все недосуг, видишь... Иди.

Гаврило Олексич выходит. Александр один. Садится в кресло за стол, спиной к двери, в которую вышла Эльза. Взял книжку, раскрыл и углубился в чтение. Входит Пелгусий.

Пелгусий. Звал меня, князь?

Александр. Пришел? Сядь, Пелгусий.

Пелгусий сел у дверей у задней стены и смотрит вперед пустыми глазами.

Ну, вот снова мы с тобой в Новгороде, Пелгусий. А помнишь, как уходили?

Пелгусий. Мне ли не помнить, княже. Мне больше зрячего помнить надобно. Зрячий, он весь мир перед собой видит, а я мир сей в голове держу, в мыслях своих запечатлел все, что до слепоты своей видел...

Александр. И последнее что видел ты, Пелгусий?

Пелгусий (глухо). Были псы немецкие... (Поник головой.)

Александр. Все пройдет, Пелгусий. И немцы пройдут, и орду Русь, как страшный сон, вспоминать будет... Вот в сей книге история царства римского описана... Что ж был Рим... (Посмотрел на Пелгусия, тихо.) Дремлет... Пускай его. (Задумался.) Рим... Весь мир покорил. Куда только ни ступала нога римского воина. И вот — где слава цезарей римских, где его великие полководцы? (Снова углубился в книгу, затем опять отложил книжку и задумался.) Настанет пора, и наш летописец запишет:

было время, когда весь мир перед Русью трепетал. Великое то было время, когда царство Олегово вольготно между морями раскинулось от невских берегов до понта Евксинского! (Усмехнулся.) А ныне рыцари загодя, не покоривши нас — Ижору да невские берега, все земли наши в дар католическому святейшеству, папе Григорию преподнесли. (Встал, прошелся по комнате.) Что ж, владыко ватиканский в долгу не остался — всех нас язычниками объявил. Стало быть, русских людей и убивать безнаказанно можно, коль скоро они по-православному молятся... (Снова сел, взял книгу.) Нет, не бывать тому! На равнинах новгородских решается ныне судьба русская. В смертельном поединке с немцами утвердим мы свое могущество... Знаю, — всего не сделать! Для этого одной человеческой жизни мало... Сыновьям и потомкам своим завещаю от ханского гнета избавиться... А теперь все взоры, все силы на Запад. Оттуда страшная гроза, черный ветер, которые могут смести с лица земли всех людей русских. Восток не страшен, если на Западе твердой ногой станем... Магистр Андреаш в Переяславле, где мы над Плещеевым озером о судьбах земных говорили, сказал: великое предназначение выпало на долю русского народа — ограждать просвещенный Запад от дикой орды татарской. Что же, то большая честь!.. Только ныне все по-другому обернулось — Русь от Запада спасать надобно. Или теперь, или никогда.. Нет у нас времени для размышлений. Несметна сила русская, крепок дух народа нашего, мужественны и отважны его люди.. Выи своей не согнем перед врагом заклятым... Не зная страха, пойдем на битву... (Замолчал, задумался.)

Тихо входит Эльза. Александр не видит ее и не слышит, как она вошла. Удобная минута. Эльза шарит в складках своего платья — на мгновение блеснула рукоять кинжала. В это время

Пелгусий поднял голову и устремил пустые глаза на Эльзу.

Пелгусий. Кто здесь?

Александр быстро обернулся.

Александр (к Эльзе.) Чего тебе?

Эльза. Мне... показалось, ты звал меня, князь... Гаврило Олексич велел...

Александр. Нет, я никого не звал. Иди!

Эльза выходит.

Молчание. Пелгусий снова опустил голову.

Александр углубился в книгу.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Мрачное полуподвальное помещение в доме Твердилы. Входная дверь, обитая железом. Несколько ступенек вниз. Стол. Высокое кресло. Несколько тяжелых табуретов. В кресле сидит Твердило. Перед ним стоит тиун Евлампий, тщедушный человек с испитым лицом и редкой бородежкой.

1

Твердило. Ну?

Евлампий. Ах, боярин, уж до чего мы привычные и то оторопь берет. Секут немцы головы людишкам псковским. Ах, секут! Эдак и до нас доберутся.

Твердило. Ты... ври, да знай меру. За дело секут.

Евлампий. Уж нынче без разбору грабят да убивают. И за то, что дом богат, и за то, что дом беден, и за то, что жена красива, и за то, что уродлива...

Твердило. Ты лучше о своей голове подумай, Евлашка. Хватит! Привел бабу-то?

Евлампий. Привел.

Твердило. Пусть идет сюда!

Евлампий выходит и возвращается с женщиной, которая ведет за руку мальчика лет десяти. У женщины изможденное лицо.

2

Евлампий. Иди, иди, милая, чай, свои люди, русские.

Женщина. Не знаю...

Твердило. Подойди сюда, не бойся. Как звать-то тебя?

Женщина. Марья.

Твердило. Сколько лет мальчонке твоему?

Марья. Десять.

Твердило. Больной он у тебя, что ли?

Марья. Голодный.

Евлампий. Ах, грех какой...

Твердило. Дашь ей, Евлашка, муки да мяса. Видишь, Марья, не злодеи мы.. Ты только скажи, где муж твой, Фрол Полочанин.. Ведомо нам — был он у Александра и сюда вернулся, чтобы народ псковской мутить. Ты говори, не бойся. Хуже будет, если он в руки немцам попадет. А нам по-хорошему расскажешь все, и вас обоих из Пскова отправим куда хотите. Да еще денег дадим.

Евлампий. Говори, Марья.

Марья. Я ничего не знаю...

Евлампий. Ой, врешь! Людишки мои видели — задами к тебе пробирался. Парень-то он больно приметный.

Входит Конрад. Остановился у дверей.

3

Конрад. Магистр Герман Балк!

Твердило вскочил. Быстро входит Герман Балк.

Балк (*подошел к креслу и сел в него. Кивнул на женщину*). Кто эта женщина?

Твердило. Я говорил тебе, гохмейстер, это жена подосланного князем человека.

Балк. А! Что же она, молчит?

Твердило. Молчит.

Балк. Упорство этих людей непонятно. Может быть, ты мне расскажешь, где твой муж?

Марья. Не знаю.

Балк (*вдохнул*). Видит бог, я не хотел зла этой бедной женщине. Конрад!

Конрад (*подошел к Марье, схватил ее за волосы и швырнул на пол*). Грязное животное, или ты скажешь, или...

Евлампей (*ласково*). Говори, говори, Марьюшка...

Марья. Звери... Мучайте... режьте... что хотите делайте... ничего не скажу! (*Прижала к себе мальчика.*)

Балк. Не трогай женщину, Конрад. Возьми у нее ребенка и... допроси его... там (*показывая на дверь*), в другой комнате. (*Усмехнулся.*) Дети всегда говорят правду, если... хорошенько их спросить. В последний раз — говори или мы выколем твоему змеенышу глаза. (*Конрад грубо хватает мальчика и тащит к дверям.*)

Мальчик (*кричит*). Мамка!

Вдруг дверь распахивается, и в нее врывается Фрол Полочанин. За ним немецкий латник.

4

Полочанин. Остановитесь, изверги! Не измывайтесь над бабой, проклятые...

Марья. Фрол, зачем ты...

Полочанин. Невмоготу мне... Как пришел домой, сказали мне — увели вас, — все понял...

Евлампей. Вот и хорошо, Фролушка, что сам пришел...

Балк. Схватить его!

Конрад, Евлампей и латник бросаются на Полочанина. Полочанин схватил тяжелый табурет и поднял его над головой.

Полочанин. Храбры вы баб мучить, а в честном бою — хорьки поганые. У нас не так бьются. А ну, подходи.

(Взмахнул табуретом. Конрад, Евлампий, латник попились.)

Балк *(обнажая меч)*. Взять его!

Конрад, Евлампий, латник хватают Полочанина. Тот расшвырывает их и бросается к Балку.

Полочанин. Ты-то мне и нужен, магистр. Беги Марья!

Балк замахивается мечом. Полочанин хватается Балка за горло.

Издыхни, пес...

Балк *(хрипит)*. Боярин...

Твердило коротким ножом бьет Полочанина в спину.

Полочанин *(шатается. Обернулся и с ненавистью посмотрел на Твердило)*. Иуда! *(Падает. Марья с мальчиком склоняются над трупом Фрола Полочанина.)*

Евлампий. Ах, ты, господи, страсти какие... *(Крестится.)*

Балк. Благодарю, боярин. Еще немного, и этот человек задушил бы меня.

Марья. Фрол, Фролушка, очнись, откликнись... Это я... *(Плачет.)*

Балк. На сегодня довольно. *(Проходя мимо склонившихся над трупом Полочанина Марьи и мальчика.)* Не плачь, женщина, я не разлучу тебя с мужем. Убей их. Конрад!

Балк выходит. Конрад, обнажив кинжал, медленно подходит к Марье. Марья и мальчик с ужасом смотрят на приближающегося Конрада.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

1242 год, март. Псков. Терем Гаврилы Гориславича. Сидит Миша Гусляр с гуслиями, перебирая струны. Возле него Рогнеда.

1

Рогнеда. Спой, Миша.

Миша Гусляр. Все пой да пой, Миша, а я и рубиться горазд. Дался я вам, песельник.

Рогнеда. Песня битве не помеха.

Миша Гусляр. Чего спеть-то?

Рогнеда. Протяжную...

Миша Гусляр. Вот и Псков у немцев отбили, в своем тереме сидишь и жених с тобой, а ты все кручинишься. А ты не думай. Не таков Гаврило Олексич.

Рогнеда. Знаю, не таков, а все сердце ноет, как он взглянет на нее.

Миша Гусляр. Э-эх. *(Тихо запел.)*

Не велят Маше на улицу ходить,

Нету волюшки молодчика любить.

Что молодчика молоденького,

Неженатого, холостенького.

Холостой мальчик, любитель дорогой,

Он не чувствует любви никакой.

Какова любовь на свете рождена?

Рождена любовь, слезами улита...

(Вдруг оборвал песню.) Ты чего пригорюнилась? То ведь песня...

Рогнеда *(утирая слезы)*. Знаю... Невмоготу мне. Разлюбил он меня.

Входит Гаврило Олексич.

2

Гаврило Олексич взглянул на Рогнеду. на Мишу.

Гаврило Олексич. Что же ты, Миша, песни жалостные поешь? Видишь, Рогнеду в слезы вогнал.

Миша Гусляр. Не от песни моей, боярин.

Рогнеда. Ты не гляди на меня, сокол мой ясный.
У девушек слезы легкие. Песня хороша.

Гаврило Олексич. И впрямь, от песни ли слезы твои?

Рогнеда. Не любишь ты меня.

Гаврило Олексич. Не до любви теперь. Заутро снова в поход. Придется тебе, Миша, опять гусли побоку и за топор.

Миша Гусляр. Жду-не дождусь.

Рогнеда (*продолжая какую-то свою мысль*). Другая на сердце у тебя.

Гаврило Олексич (*улыбаясь*). Вот ты о чем? Уж не на беглянку ли думаешь?

Миша Гусляр. Не указчик я тебе, боярин, а только живой живое и думает.

Гаврило Олексич (*резко*). Знаю, что делаю.

Рогнеда. Ластится она к тебе. Кабы знала, по дороге бросила. Пожалела, а она, как змея...

Гаврило Олексич. На Любашу напрасно злобишься. Бедная она.

Рогнеда, закрыв лицо, бежит из горницы и в дверях сталкивается с Александром. Тот останавливает ее легким прикосновением руки.

3

Александр. Куда? И глаза заплаканные. С чего это ты? Уж не причинил ли кто тебе обиды? Я обидчика не помилую.

Рогнеда (*тихо, почти шопотом*). Это я от песни, князь.

Александр. Мишка! Гляди, не те песни поешь. (*Шутливо грозит Мише; к Рогнеде.*) Не печалься. Вот Ригу возьмем, тогда и свадьбу справим.

Рогнеда (так же тихо). Он другую любит, князь... Любашу. Еще в Новгороде я то заметила.

Александр. Беглянку ту? (Обернулся к Гавриле Олексичу.) Так ли это, Олексич?

Гаврило Олексич молчит.

Миша Гусляр. Так, княже, окрутила она боярина.

Рогнеда. Сердцу не закажешь. Не неволь его, князь. (Убегает.)

Миша Гусляр. Дозволь и мне уйти.

Александр. Иди, Миша.

Миша Гусляр уходит. Молчание.

4

Александр. Ну, что ж, Олексич, идем и мы, делом займемся.

Гаврило Олексич. Князь...

Александр. Не хочу я тебя сейчас слушать, Олексич. Завтра поход — и разговор наш о ратных делах. Перед Гаврилой Гориславичем сам ответ держать будешь. Я же тебе на потатчик. Негоже Рогнеду на девку без роду, без племени менять. Что в ней узрел, в беглянке сей?

Гаврило Олексич. Околдовала она меня.

Александр. Боюсь я, от колдовства этого ратный дух твой помутится.

Гаврило Олексич. Того не будет.

Александр (посмотрел на него). Ин ладно. Подумай, Олексич, а теперь идем.

Выходят в дверь налево. Сцена некоторое время пуста, потом входит Эльза. Она подходит на цыпочках к дверям, в которые скрылись Александр и Гаврило Олексич, потом отходит. Легкий, еле слышный стук в окно. Эльза подходит к окну, прижимается лицом к стеклу. С улицы голос нищего: «Подайте убогому, Христа ради.

подай, боярышня». Эльза отшатывается от окна и бежит к выходной двери. Через мгновение появляется с Конрадом, который наряжен нищим.

5

Конрад (*гнусаво, нараспев*). Подайте убогому...

Эльза. Genug! Зачем пришел?

Конрад. У нас, в вагенбурге, ты разговаривала совсем по-другому, девочка. Ты меня не видела полгода. Впрочем, тебе, кажется, понравилось у русских свиней... Великий гохмейстер через меня напоминает тебе о твоём долге...

Эльза. Я не забыла о нём. Уходи скорее, нас могут застать.

Конрад. Это не опасно. Русские очень любят давать милостыню. (*И вдруг жестко, по-солдатки.*) Гохмейстер приказал — больше медлить нельзя!

Эльза. Меня привезли прямо в Новгород. Я времени даром не теряла... Только здесь, через год, я первый раз увидела князя... Однажды ночью я... могла, но мне помешали...

Конрад. Гохмейстер приказал: завтра русский князь выступает на Ригу. Мы должны знать о каждом его шаге. Пусть возьмут тебя в поход. Заставь это сделать влюбленного боярина — или ты не женщина? Сведи его с ума. А убить Александра надо перед решительной битвой, чтобы внести страх и смятение в его войско. Гохмейстер ждёт. Прощай! И знай, если ты...

В комнату входит Гаврило Олексич.

6

Конрад. Подайте убогому, Христа ради, и да будет вам...

Гаврило Олексич. Кто это?

Эльза. Нищий.

Гаврило Олексич. Вижу, нищий. Чего же ты его держишь? Подай, и пусть идет с богом. На, убогий..

Швыряет нищему монету. Тот жадно схватывает ее и, низко кланяясь, уходит.

Молчание. Эльза тихо подходит к задумавшемуся Гавриле Олексичу и обнимает его.

7

Эльза. Извелась я совсем, измаялась..

Гаврило Олексич (*высвобождаясь от ее объятий*). Не по душе ты князю.

Эльза. В любви и князь не волен.

Гаврило Олексич (*пристально смотрит на нее*). Уж год ты с нами, а разгадать тебя не могу.

Эльза. Приютил ты меня, милый, беглянку. Измучилась я.. Чего меня разгадывать? Я вот она — вся тут — без отца, без матери, сирота. Кому я нужна? (*Снова прижалась к Гавриле Олексичу, быстро зашептала.*) Ну, что тебе в Рогнеде, боярин? Не люба она тебе.

Гаврило Олексич (*оттолкнул ее*). Ври, да не завирайся.

Эльза (*обнимая Гаврилу Олексича*). Не люба, знаю.

Гаврило Олексич. С ума ты меня сводишь.. (*Взглянул в ее глаза.*) О любви говоришь, а глаза, как у кошки, злые!

Эльза. О немцах вспомнила.

Гаврило Олексич (*взял ее голову обеими руками*). Ох, ты, наваждение бесовское.

Эльза. О чем князь с тобой говорил?

Гаврило Олексич. О походе завтрашнем.

Эльза. Боюсь я за тебя.. Враг хитер, да силен. Как одолеете его?

Гаврило Олексич. О том князь ведает.

Эльза. Ну, Псков взяли — немца отбили. Почто на Ригу итти?

Гаврило Олексич (*улыбаясь*). Глупая. Для того и заложен был сей град сорок лет назад, чтобы оттуда Руси угрожать.

Эльза. Возьми меня с собой.

Гаврило Олексич. Нельзя.

Эльза. Ну, возьми, я тебе не буду помехой.

Гаврило Олексич. Да я бы... Князь ссердится...

Эльза. Умоли князя... Я здесь без тебя тоской изведусь... милый.

Гаврило Олексич. Попробовать разве...

За входными дверями шум, возня, голоса.

Что там?

Входят Якунович, Сава, Миша Гусляр, таща за собой Твердило, переодетого в одежду простого ратника.

8

Сава. Ну, иди, иди. Не упирайся. Мы тебя только князю покажем. Может, он тебя и помиует.

Якунович. Чего дрожишь, воевода? Умей за свои злодеяния ответ держать.

Твердило. Видит бог, братцы, не хотел я зла. Псков от разорения спасти хотел. (*К Гавриле Олексичу.*) Заступись, боярин.

Гаврило Олексич. Балк — твой заступник, иуда.

Твердило вдруг увидел Эльзу, которая все время пряталась в тени. Эльза делает предостерегающий знак. Из левой двери выходит Александр.

9

Александр. Что здесь за шум?

Якунович. Вот птицу важную изловили. Через заставу к Балку пробирался.

Александр (взглянул на Твердило). Встань, боярин. Негоже наместнику балкову бородой пол мести. Встань! Пусть все тебя видят, каков ты есть. Плохо ж поблагодарил тебя гохмейстер. Бросил за всю твою службу верную.

Твердило (падает в ноги). Прости, князь... Бес попутал — думал, как лучше. Я тебе все расскажу о замыслах Балка.

Александр. Расскажи лучше, иуда, как ты людей русских выдавал на смерть и разграбление.

Твердило. Помилуй, князь.

Александр. Не волен я в милости моей.

Сава. Дозволь повесить.

Александр. Вот видишь, воевода. Да и на что тебе жизнь? Такому жить стыдно. Кровь замученных вопиет об отмщении.

Миша Гусляр. Хочешь я тебе песню спою, боярин?

Понемногу комната заполняется. Входят Юрята, Луготинич, Рогнеда, Ратмир.

10

Александр. Вот у народа спроси — как помилуют, и я помилю. Что скажете, други?

Гаврило Олексич. Смерть!

Сава. На поганом суку повесить.

Миша Гусляр. Собаке — и собачья смерть.

Юрята. Смерть!

Твердило. И ты, Юрята?

Александр. Нет, нельзя измены прощать. Корысти для ты отечеством торговал, доблестных защитников великого Пскова немецким псам с головой выдавал...

Твердило (*лихорадочно, быстро*). Не верите вы мне. А вы верьте, верьте! Я замыслы немецкие вам открою. Гохмейстер Балк жизни твоей давно ищет. Бойтся он тебя. Человека подослал, чтобы убить, твои тайные мысли выведав.

Александр. Кто же сей человек?

Твердило. Возле тебя он и ждет минуты, чтобы учинить неслыханное злодейство. Беглянка та...

Эльза (*бросаясь к Твердиле, в бешенстве*). Verfluchte! Проклятый! Смерд! Раб!

Гаврило Олексич. Любаша!

Миша Гусляр. Любаша, да не наша.

Сава (*двинулся на Эльзу*). А ну!

Эльза. Не подходите!.. (*Выхватила кинжал из складок одежды*.) Не дойти тебе до Риги, князь.

Бросается на Александра с ножом. Но удар приходится в грудь Рогнеде, которая преградила дорогу Эльзе. Рогнеда падает. Все это происходит настолько быстро, что никто не успевает опомниться.

Молчание. Александр наклоняется над Рогнедой. Эльза схвачена.

Рогнеда. Подойди сюда, боярин.

Гаврило Олексич подходит.

Гаврило Олексич. Рогнеда, солнышко мое ясное...

Рогнеда. Люблю тебя, но смерти не искала. Будь верен князю. Счастлива, что приняла смерть за тебя, князь Александр Ярославович. (*Умирает*.)

Молчание.

Александр (*к Твердиле*). Не оскорблю я славной смерти Рогнеды твоей подлой жизнью, раб. Благодарю за казнь, как за благодеяние. Пусть весь народ псковской

будет свидетелем казни предателя и сей колдуньи бесовской. Убрать их!

Твердило и Эльзу уводят.

Гаврило Олексич. В бою искуплю великую вину мою. Как милости прошу — пошли меня первым.

Александр. Не можем мы более медлить. Вели трубить поход, Якунович.

Якунович выходит. За сценой раздаётся пение труб новгородских.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Близ Чудского озера. Крестьянская изба. Вечер. Якунович чинит кольчугу, Миша Гусляр точит топор. Ратмир стоит у окна, Пелгусий — у печки. Сава перекладывает из руки в руку дубину — пробует.

Миша Гусляр. Вот тебе и Рига — столица орденская. Шли, шли, да обратно повернули. Чего же из Пскова ушли?

Ратмир. На Ригу и шли.

Миша Гусляр. Да сам знаю — шли. Обратно пошто повернули? Вот я о чем.

Якунович. Про то князь ведает.

Сава. Вот придет Олексич — расскажет, научит умудазу. Он все знает.

Миша Гусляр. У него девки на уме.

Сава. Быль молодцу не укор. В бою он себя покажет.

Пелгусий. Покажет. Я Олексича знаю. Завидую вам, други, — лютого врага земли русской глазами увидите, а вокруг меня темная ночь.

Миша Гусляр. Не горюй, Пелгусий. Уж мы за тебя шовоюем, а потом расскажем. Эх, колотилко-бряколко. (Любуется топором.) Хорош топор-от, да не придется его в дело пустить — не видать боя-то.

Якунович. Завтра бой. (Отложил кольчугу.) Эх, ты, Миша... Гусляр и есть, а еще дружинник Алексан-

дров. Почему обратно повернули, да зачем сюда пришли! Ты не только гусями, а и головой соображай. Ну, отбили мы Псков у немецкой нечисти — на Ригу пошли. А гохмейстер Балк перехитрит нас задумал: не пошел он навстречу нам, а в обход пустился.

Миша Гусляр. Ишь, какую игру затеял.

Сава. То-то, что затеял, Миша.

Якунович. Хотел Чудским озером пройти, на юг спуститься и нам в тыл зайти — между ратью нашей и Псковом, — а князь разгадал игру эту.

Миша Гусляр. Счастлив игрой, да несчастлив женой. Не таковский наш князь, чтобы его немец обмануть мог.

Сава. И не обманул.

Якунович. А почему? Князь всегда дозоры во все концы рассылает.

Пелгусий. Как с Биргером.

Якунович. Верно, Пелгусий. Как проведал князь о лукавых происках Балка, тотчас повернул на норд — навстречу псам-рыцарям. И вот, глянь, — Чудь! А там, за холмом, — немцы.

Ратмир. Завтра суббота. Потрудимся малость, поколотим иродов, как снопы на поле, а в воскресенье в Псков вернемся, да на печи положим, отдохнем.

Якунович. Не петушись: храбер петух, а и его индюшка бьет. Немецкое войско побить — не снопы молотить. Целый орден на нас идет. Десять тысяч и еще две ведет гохмейстер Балк. Легкого боя не жди.

Ратмир. А у нас?

Якунович. У нас не менее того будет. Князь Андрей Ярославович низовые полки привел, да псковские ополченцы, да новгородские охотники, почитай все кулачные бойцы, вся вольница...

Ратмир. Сила немалая.

Якунович. Немалая, да не всех вооружить успели. Только у дружины княжеской хорошие кольчуги да мечи, а у других — у кого щит кожаный, у кого кольчуга без штанов кольчужных, у кого меч, а у кого и вовсе один нсж засапожный.

Сава (*любясь своей дубиной*). Ништо! За правое дело и дубиной можно.

Миша Гусляр. Ты бы еще кулаками.

Сава. От моего кулака ни одному Балку не устоять.

Молчанис. Входит Гаврило Олексич.

Гаврило Олексич. Скоро на отдых, други. Завтра битва...

Сава. Спать неохота, боярин.

Гаврило Олексич. А надо. Князь велит.

Сава. Ну, если князь, — другое дело.

Гаврило Олексич. Бой не легкий будет. Немцы другой год уже все силы собирают. Со всей страны именитые рыцари съехались. От римского папы им благословение пришло — Русь крушить, всех убивать, а греха перед богом не будет.

Миша Гусляр. Пока князь с нами, нам ничего не страшно. Как вспомню Псков и ту немку проклятую — мороз по коже.

Пелгусий. От великой беды земля русская избавлена. Вечная память Рогнеде.

Гаврило Олексич (*поник головой*). Как нож пострый, слова ваши, други. Нет мне прощенья. Чуть князя не погубил. Но не по злему умыслу — вы то знаете.

Якунович. Знаем и потсму верим.

Гаврило Олексич. Своей кровью запечатлею любовь к отчизне и моему князю.

За окном топот коня. Все прислушиваются.

Гаврило Олексич. Кто бы это?

Толот приближается и глохнет у избы. Дверь распахивается, и в избу входит Ольга.

3

Гаврило Олексич. Княгиня!

Ольга. Чего дивишься, боярин? А где же мне спричь быть перед битвой, как не около Александра?

Гаврило Олексич. То так, а все-таки...

Ольга. Ты бы приказал печь затопить, Гаврило Олексич, промерзла я дорогой.

Сава (*засуетился*). Печку — это можно. (*Засовывает в печку дрова, разводит огонь.*) Что князь скажет...

Миша Гусляр. Ну, и княгинюшка...

Быстро входит Александр. Увидев Ольгу, остановился изумленный.

4

Александр. Ольга! Как же ты здесь? Не приключилось ли чего?

Ольга. Ничего не приключилось, князь.

Александр (*обернувшись ко всем*). Оставьте меня с княгиней. Ты, Збыслав, ты, Олексич, придете потом сюда и Гавриле Гориславичу скажите. Совет держать будем.

Все выходят, в том числе и Пелгусий, поддерживаемый Ратмиром. Александр и Ольга одни.

5

Ольга. Что же ты не рад мне!

Александр (*обнимая ее*). Люба моя, звездочка, голубка. Как же ты могла и помыслить? Но здесь стан воинский.

Ольга. Вся моя жизнь с тобой и для тебя. Так могу

ли я быть вдали от тебя теперь, когда ведешь ты Русь в смертный бой с заклятыми врагами.

Александр. Веришь мне?

Ольга. Верю, князь. Верю и знаю, что ты поведешь полки русские к победе над супостатами. Пролей их черную кровь за слезы материнские, за кровь чистую и праведную...

Александр (в глубокой задумчивости). Вижу я Русь прошедшей через невзгоды, счастливой, могучей, грозной. Верю в народ русский, в его силу богатырскую. Когда гляжу на тебя, вспоминаю поля и перелески перяславские; в твоих глазах, голубка, вижу всю Русь мою, тихую, благостную. Добер наш народ, доколе не тронешь его. Ну, а тронешь,— пеняй на себя.. Великой радостью преисполнила ты мое сердце. Спасибо тебе за то, что прискакала. (Улыбнулся.) А теперь скачи обратно.

Ольга. Не отсылай меня, княже.

Александр (помедлил). Пусть будет так. (Обнял ее, приоткрыл дверь и крикнул.) Эй, кто там есть?

Входит Ратмир.

Александр. Отведи, Ратмир, княгиню в чистую избу... Не страшись, Ратмир, битвы завтрашней?

Ратмир. Не страшусь, князь. Сильны рыцари бронею, а нет у них отваги нашей, напора русского, безоглядного... Да и искусников в ратном деле, таких, как ты, князь, нет у немцев.

Александр (засмеялся). С такими да немцев не порушить! Ну, идите.

Ратмир и Ольга выходят. Александр подходит к окну и молча прислушивается к ночи. Глухой гул военного стана постепенно затихает.

Завтра битва. Спите, набирайтесь сил перед кровавой се-

чей, дружина моя... Господи, дай одоление русским людям. осени победой наши стяги, святой Георгий...

Громкий стук в дверь. Крики со двора: «Откройте!». Дверь распахивается. В нее врывается, почти падая, гонец; за ним Луготинич, Юрята, Миша Гусляр, Гаврило Олексич, Якунович, Сава, Пелгусий, Ратмир, несколько ратников. Немного позже входит Гаврило Гориславич. В одном из ратников нетрудно узнать Конрада. Пользуясь сумятицей, произведенной появлением гонца, он незаметно проскользнул за занавеску, около печи.

Александр (*поддерживая и усаживая раненого гонца*). Отдышись... Что приключилось?

Луготинич. Беда, князь! Побили нас враги!

Александр. Замолчи. (*К гонцу.*) Можешь говорить?

Голоса. Беда днесь случилась. Побили Домаша. И нам того не миновать.

Гонец. К тебе, князь, скакал. Ратником в отряде Домаша, сына посадника псковского, служил я. Послал ты нас на сторо́жу следить за врагом. Вчерашний день, идя за войском рыцарским, вошли мы в лес дремучий и там...

Миша Гусляр. Ужли побили вас? Псковских-то?

Гонец (*обессиленный поник головой*). Не остереглись мы засады... Всех порубили.

Александр. А Домаш?

Гонец. Его живым взяли, к двум деревьям согнутым привязали и деревья те отпустили. На части разорвали Домаша. Один я уцелел. Гнались за мной, да конь добрый вынес.

Луготинич. Всех убили... И нам того не миновать. Лучше в Псков уйти. Отсидимся там за стенами толстыми. Уйдем во Псков.

Г о л о с а. Уйдем.

С а в а. Ишь ты! В Псков захотелось. А подмоги не хотели посылать псковичам.

Л у г о т и н и ч. То другое дело. Сила их здесь несметная — теперь не совладаем. Идем, Юрята!

Ю р я т а. Не страха ради шел я против князя, не страшусь и теперь умереть за князя на поле чести, коли призовет господь. Иди сам, Луготинич.

А л е к с а н д р. Ступай отсюда, Луготинич, коли душа твоя в пятки ушла! Ступай отсюда во Псков, Новгород и подальше! Идите с Луготиничем все, кто хочет. Не было трусов в дружине моей и не будет! Жаль воинов! Жаль людей русских! Жаль Дѳмаша! Но положили они жизнь свою за родину, и вечная слава им будет! А нам — то в назидание. Не след теперь мертвых корить. Но сами слышали — не остереглись они врага, оттого и легли в сырую землю. А мы промашки не дадим. С псами немецкими до конца будем биться. Как волки бешеные, бродят они по святой Руси. И мы с ними, как с волками. Не бойтесь их, други. **Нет** такого врага, кто против русской силы выстоит! Уходи, Луготинич! Никто тебе вреда не сделает, но здесь ты лишний.

Л у г о т и н и ч. Дозволь, князь...

А л е к с а н д р. Не гневи меня, боярин. Уходи, покуда цел...

Л у г о т и н и ч уходит, опустив голову. За ним, было, двинулись один-два человека из ополченцев-ратников, но остановились.

С а в а. Паршивая овца все стадо портит. А мы не сбеем, княже. Били шведа, побьем и немца.

А л е к с а н д р. Идите, други, на отдых. А мне с воеводами совет держать надобно.

В с е выходят, кроме Гаврилы Гориславича, Гаврилы Олексича и Якуновича.

Гаврило Гориславич. Милостив ты, князь. Я бы того Луготинича...

Александр. Силой не держу. На великий подвиг нельзя идти с душой заячьей.

Якунович. И то правда.

Александр. Как мыслите, бояре, о сече завтрашней?

Молчание.

Якунович. Нападем первыми...

Александр. Так-то оно так... Да не о том я. Что ты скажешь, Олексич?

Гаврило Гориславич. Я старейший промежду вас. Дозволь мне слово молвить.

Александр. Говори, боярин.

Гаврило Гориславич. Сорок лет бьюсь я с рыцарями и знаю их повадки. Когда выезжают они на бой, нельзя у них найти места уязвимого. И кони и всадники с ног до головы латами железными покрыты. В поединке нехитро такого всадника опрокинуть. Уж больно тяжелы они да неповоротливы. А в строю страшна конница рыцарская. Немцы на выдумку не тароваты. Думаю, завтра тем же строем биться будут, как бились их деды и прадеды. А мы первые на них стеной пойдём, бог даст, опрокинем.

Якунович. Да что же это за строй у них?

Гаврило Гориславич. Помню я бой у города Оденпе. Двадцать тысяч псковичей и новгородцев пришли тогда на подмогу литовцам. Я в первом ряду войска стоял. И видел: из-за леса конница железная вынеслась. С копьями наперевес и с оглушительным топотом помчалась она на нас. Впереди восемь всадников скачет, за ними двенадцать, а далее шестнадцать, двадцать — по два

всадника с каждого края прибавлялось. Словно клин в наше войско вогнать хотели — тем клином разорвать нас на части да поодиночке разбить. Так и завтра будет.

Александр. Добро! И я за четыре года повадки рыцарские узнать успел. Верно говоришь, боярин. Они клинышком любят. А мы немецкий клин да русскими клещами. Два ста лет тому назад великий воевода русский, Святослав, войнов своих пятком расставлял — вот так. *(Размашисто рисует в воздухе римскую цифру V.)* Тоже вроде клина, да широким краем к врагу. По тому широкому краю мы тонкую цепь лучников раскинем, чтобы не разгадал враг нашего порядка боевого. Немецкий клин мы удерживать не будем. Пусть врезаются. Как налетят немцы, пусть лучники раздадутся и в самую глубь порядка нашего пустят...

Гаврило Олексич. Не просчитаться бы нам: пустим конницу рыцарскую, разрежет она рать нашу, тогда поздно будет...

Александр. Здесь смелость надобна, чтобы пятком святославовым построиться. Но кому, как не нам, сия попытка прилечствует? Может, и удержим мы немцев, коли против них стеной пойдем, но тогда отступят они в порядке и войско свое сохраняют. А пустим вглубь — в мешок возьмем, — великую победу одержать можем.

Якунович. И одержим.

Гаврило Гориславич. Твой замысел, князь, мудр и велик. Другой Александр — Македонский, величайший из полководцев, лучше не придумал бы. Верю в победу!

Александр. Лучшие полки поставим мы по краям пятка и еще один отряд за холмами в засаду спрячу. Как увидит гохмейстер Балк, что смыкается кольцо вокруг него, да обратно захочет вырваться, отряд дорогу отрежет. Тебя, Гаврило Гориславич, над одним крылом ставлю, тебя, Збыслав — над другим.

Гаврило Олексич. А меня?

Александр. Тебя при себе оставлю. *(Подсел к окну.)* Уже светает... Ступайте отдыхать и вы, други. За рассветом настанет день, который решит судьбу нашу и всей Руси. Не дрогнув, с отвагой и мужеством встретим сей день. Ступайте.

Гаврило Олексич, Якунович идут к выходу. Только Гаврило Гориславич стоит, устремив неподвижный взор на занавеску у печки. Она слегка заколыхалась.

Ты чего, боярин?

Гаврило Гориславич. Сдается мне, тараканов у тебя много запечных. Ишь, раздобрили как, — занавеску шевелят.

Гаврило Олексич. То дуновение ветра.

9

Гаврило Гориславич *(обнажая меч)*. Неоткуда дуновению быть, боярин. *(Резким движением отдергивает занавеску и вытаскивает оттуда Конрада.)* Вот он каков, таракан запечный. С немецкими усами. А ну, повернись к свету... *(Поворачивает.)* Знакомый. Помнится, ранил я тебя во Пскове, да не убил.

Александр. Для гохмейстера подслушивал? Ловок.

Конрад. Пощады не прошу, а если оставите жизнь, буду служить.

Александр. Мне таких слуг не надобно. *(Отвернулся.)*

Гаврило Олексич. Его судить надо.

Гаврило Гориславич. Единожды милосердие твое и простота стоили жизни дочери моей Рогнеде. Не повторю сей ошибки. *(Рубит мечом Конрада. Тот падает за занавеску.)*

Александр. Перед лицом врага протяните друг другу руки. Я так хочу!

Гаврило Гориславич и Гаврило Олексич протягивают друг другу руки.

Пусть смягчит ваши сердца память о Рогнеде в час, когда оба вы готовы отдать свою жизнь отечеству своему.

Рассвет все больше и больше заливает избу. Все стоят неподвижно. За сценой далекая и протяжная переключка дозорных.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

1242 год. Суббота, 5 апреля. Шатер Александра на высоком обрывистом берегу Чудского озера. Сквозь распахнутые полы шатра — в далекой перспективе — лед, холмы, небо. Стоят в полном воинском снаряжении Александр, Гаврило Олексич, Гаврило Гориславич. В другой группе — княгиня Ольга, Ратмир, Пелгусий.

1

Гаврило Олексич (к Александру). Дозволь, князь, бой начать. Горит моя душа... (Тихо.) Искупления жажду.

Гаврило Гориславич. Нет у меня зла против боярина. Пусть первый прольет кровь их поганую.

За сценой пение боевых труб новгородских. Вбегает Якунович.

2

Якунович. Рыцари пошли, князь.

Александр. По местам, други. (К Гавриле Гориславичу.) Со мной будешь, боярин! Начнет битву Олексич.

Распалена его душа. Пусть зальет он ее кровью вражьей.

Гаврило Олексич. Не пожалеешь, князь, о решении своем. Убьют меня — из могилы встану, чтобы снова воинов вести.

Гаврило Олексич, Якунович, Ратмир, застегивая на ходу кольчуги, спешат к выходу. Гаврило Олексич и Якунович выходят. Ратмира князь останавливает.

3

Александр. Ты в шатре останешься, Ратмир. Оберегай княгиню и Пелгусия.

Гаврило Гориславич. Спросить хочу тебя, княже. Не смыслю я, отчего велел войску на льду строиться, а не на тверди земной?

Александр. На льду кони рыцарей скользить будут. На котором коне латы потяжелше — тот и совсем под лед уйдет. Уже апрель, глянь, как вода на льду пузырится. И еще причина есть — пяток наш в берег обрывистый упирается, никакой конь туда на Вороний камень не взберется. Выходит — ведомо нам, докуда клин немецкий прорваться может и как окружить его всего лучше.

Гаврило Гориславич. Великий ты воин, князь!

Боевые трубы за сценой смолкают. В отдалении раздаются рога рыцарей и латинские песнопения. Они все ближе. Уж слышен мерный топот коней. Александр подходит к Ольге и обнимает ее.

Александр. Прощай, княгиня.

Ольга. Иди, князь. Да благословит тебя бог. (Крестит Александра.) Подойди сюда, боярин Гаврило, дай перекрещу тебя.

Гаврило Гориславич подходит.

Гаврило Гориславич. Прощай, княгиня.
Александр. Боже! Суди мой спор с этим высокомерным народом.

Надевает шлем, обнажает меч и выходит. За ним следует Гаврило Гориславич.

4

Молчание. Ольга опустилась на колени. Губы ее шепчут молитву. Пелгусий стоит, подняв пустые глаза к небу, и прислушивается. Ратмир стоит у выхода из шатра и напряженно смотрит вдаль.

Пелгусий. А меня оставили... Кому слепец надобен? Кто поведет меня на врага?

Ратмир. Не так говоришь, друже. Дорог ты Александру Ярославовичу. Князь велел тебя беречь. И без тебя, Пелгусий, одолеют немцев. Вон и я здесь остался.

Ольга. Что видишь, Ратмир?

Ратмир. Тишина, княгиня: сходятся в грозном молчании. Эх, не выпало мне на долю забавой ратной потешиться. Зато уж вас потешу. Не тужи, Пелгусий. Я твоим оком буду.

Пелгусий (*прислушиваясь*). Слышу бой...

Рога рыцарей приближаются и, наконец, слышны совсем громко.

Ратмир. Вот они! Тяжелая конница скачет, за нею пешие латники бегут...

Пелгусий. Что же это?

Ольга. Господи, услышь молитву мою, дай одоление Руси, дай... Что видишь, Ратмир?

Ратмир. С боков тоже рыцари, в железо закованные... Наши лучники стрелы пускают... (*Вдруг отвернулся.*)

Пелгусий. Отчего замолчал, Ратмир?

Ольга. Ратмир!

Ратмир (*глухо*). Отскакивают стрелы лучников наших от лат рыцарских.

Ольга. Неужто пробьются, проклятые?!

Ратмир. Сошлись! Пробились, лучники в стороны рассыпались. А-а! Врубились рыцари, скачут все дальше... Что же это? Псы между рядами дружины нашей, разрезать ее хотят...

За сценой шум боя.

Пелгусий. Дай меч, Ратмир. Погибну с братьями своими.

Ратмир. Постой, друже! Не дрогнули наши воины. Бестрепетно глядят они, как врубается свиное рыло...

Ольга (*подошла к выходу и, откинув другую полу шатра, глядит*). Насквозь всей рати нашей немцы прошли...

Шум боя. Крики почти рядом, и вдруг все смолкает. Мертвая тишина.

Пелгусий. Почему молчите? Что там?

Ратмир (*кричит*). О-о! Уперлись в брег псы проклятые; в Вороний камень. Тут место крутое, обледенелое. Остановились!

Ольга. Гляньте. С обеих сторон наши понеслись. Якунович, Гаврило Олексич...

Ратмир. Смяли охрану, теснят рыцарей, ломают их строй... Ага! Хотел гохмейстер нас в клещи взять, а наши клещи немецких хлеще. Повернули коней рыцари, обратно скачут! О-э! Из-за холмов засада конная наскочила!.. Не уйти им теперь!

Ольга. Зла сеча и великая! Не видно стало льду, покрыто все кровью. Тонут в полыньях. Ни вода, ни земля русская не хотят держать немецв...

Пелгусий. Сколь сладостен сей миг! Очами не вижу,

а ушами слышу страшный треск от копей ломления и звон от мечного сечения. А князь? Князь где?!

Ольга. Князь! Князь! Вот он на врагов несется, как гроза божия. Милый мой, родимый.

Б

Вбегает Юрята, разгоряченный боем.

Ратмир. Юрята!

Юрята. Князь прислал взглянуть, целы ли? Вижу — целы.

Ольга. Что там, боярин, расскажи...

Юрята. Недосуг. Великая сеча идет. Не видать, где немцы, где люди русские. Однако рано немцы победу прокричали. Великие мастера русского боя на мечях и секирах в дружине нашей... Эвон, глядите, Мишка-то Гусляр, — гусли по боку, а в руке крюк длинный. Тем крюком рыцарей с коней стаскивает... Ах, ты, ловок до чего, песельник... *(Выбежал.)*

Ольга. Олексич! Боже милостивый, снял кольчугу, чтобы легче было... Врубился... Крошит псов проклятых: где проедет — там улочка, где повернет — там переулочек...

Ратмир. Смерти ищет боярин... *(И вдруг кричит.)*
Сава!

Пелгусий. Что с братом моим Савой? Невмоготу мне в шатре сидеть... Дай меч, Ратмир.

Ратмир. Не велел князь.

Пелгусий. Дай меч, Ратмир! Горе мне! Рука меч держит, а глаза не видят. Веди в бой, Ратмир, за землю нашу русскую, за князя Александра... Во всех битвах бок о бок с князем рубился... Так и теперь... *(Ощупью находит меч, хватает его и, протянув вперед руки, выходит.)*

Ратмир. Пелгусий! Куда? Зачем? *(Выбегает вслед за ним.)*

Гемнота, наполненная разнообразными звуками боя. Постепенно все затихает. На сцене снова свет. Но уже вечер. Закатное солнце золотит полы шатра. Ольга одна. Она напряженно вглядывается вдаль.

Ольга. Ничего не вижу. Победа ли?

За сценой пенке боевых труб новгородских и затем тишина. Входят разгоряченные боем Якунович, Гаврило Олексич, Гаврило Гориславич и несколько воинов.

Якунович. Славно бились, други! Много людей русских полегло, а немцев — впятеро. Семь верст гнались за ними. Князь велел — бегущих не преследовать: пусть, сказал князь, несут в свою землю страх, пусть надолго запомнят наш свежий ветер... Богатая добыча нам досталась... Сам Балк еле ноги унес...

Гаврило Олексич. Псы проклятые! Возы с цепями в обозе своем везли, чтобы пленных ратников русских сковать...

Гаврило Гориславич. Поистине побоище Ледовое то было. После битвы сей враг долго на Русь не сунется. Недаром король Магнуш Свейский, который в прошлом годе умер, рукописание оставил: «Се аз Магнуш, король Свейский, отходя сего света, пишу рукописание при своем животе, а приказываю своим детям и своим братьям и всей земле Свейской — не наступайте на Русь, на крестном целовании, занеже нам не пособляется. А кто наступит, на того бог и огонь и вода».

Якунович. Так оно и вышло.

Гаврило Олексич. Не вижу Пелгусия и Ратмира.
Где они?

Ольга. В бой пошли. Не выдержало сердце богатырское.

Молчание. Быстро входит Александр.

8

Якунович

Гаврило Гориславич

Гаврило Олексич

} Слава Александру!

Александр (*подняв руку*). Не меня славьте. Дружину нашу, каждого воина, кто уцелел и пал сраженный, славьте! И Мишу Гусляра славьте, чьи песни не услышим мы более, и тебя, Гаврило Олексич, что, презрев опасность, в строй рыцарский врубился, и тебя, Гаврило Гориславич, и тебя, Збыслав Якунович. Слава вам! Слава вам всем, кто храбро и честно бился сегодня. (*Вдруг оглянулся.*) Среди вас не вижу Пелгусия и Ратмира. Неужели!..

Ольга. Не могла я удержать их. В том вини меня, князь...

В шатер входит, шатаясь, тяжело раненый Сава. На руках у него труп Пелгусия. Сава осторожно кладет тело Пелгусия к ногам Александра и сам падает обессиленный.

9

Сава. Погиб от меча рыцарского Пелгусий, что мне милее брата был. Грудью своей защитил меня слепой Пелгусий и сам пал сраженный. Сказал: князю передай — сладко за Русь умирать, зная, что враг повержен. Дорого заплатили за его смерть псы немецкие. Да вот видишь, сам не уцелел... Похорони нас вместе, князь, — меня и

Пелгусия, при крещении Филиппом нареченного. Слава Александру! (Умирает.)

А л е к с а н д р (после паузы). Нет, не меня! Новгородцев, псковичей, и ладожан, и суздальцев — весь русский народ славить надобно за победу сегодняшнюю... Умрем мы, истлеют кости наши, а день этот, день славы русской, будут вспоминать внуки наши и внуки внуков. И никогда не забудется битва на Чуди, где на апрельском весеннем льду войны русские во прах рассеяли силу вражью и пролили свою чистую кровь за Русь свободную, могучую, счастливую!

Пение боевых труб новгородских.

ЗАНАВЕС

К О Н Е Ц